

ОСНОВЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ М.М. СПЕРАНСКОГО

Н.М. РУМЯНЦЕВА

Кафедра русского языка №3
факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 Москва, Россия

В статье даны основные этапы становления М.М. Сперанского как языковой личности и основы его педагогической риторики.

Речевая и риторико-педагогическая культура уходит своими корнями в далекую античность. Древнегреческие софисты, Сократ, Платон выработали риторико-педагогический идеал как категорию гармонии. Они обучали своих учеников ораторскому искусству и умению защищать любой тезис. При этом высказывали догадку, что речь и мысль подчиняются определенным правилам и учили своих слушателей правильному употреблению слов. Западноевропейский риторико-педагогический идеал имел тенденции к гармонизирующему диалогу, яркими представителями которого явились Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мишель Монтень.

Временем становления отечественного риторико-педагогического идеала считаются педагогические идеи и речевые образцы М.В. Ломоносова, хотя фрагментарно о педагогическом речевом общении сказано еще в «Духовном регламенте» Феофана Прокоповича: «Определенным и добрым учителям приказать, чтобы они исперва сказывали ученикам своим вкратце, но ясно, какая сила есть настоящего учения: грамматики, например, риторики или логики. И чего хошем достигнути через сие или оное учение, чтобы ученики видели берег к которому плывут, и лучшую бы охоту возымели, и познавали бы повседневную прибыль свою, також и недостатки» [1, с. 101].

Свои принципы педагогической речи М.В. Ломоносов постулирует во введении к «Риторике», говоря об особенностях вводного слова преподавателя при ознакомлении с предметом, который он собирается преподавать своим слушателям. Как и в классическом образце, первая часть слова «предисловие» должно раскрывать содержание речи, чтобы слушатели не были в недоумении, потому что неопределенное вводит в заблуждение.

Чтобы речь учителя была понятна, правильна, ясна, определена, точна и выразительна, этому необходимо учить и учиться. Речь — неотъемлемый компонент деятельности любого творческого человека. Выбор языковых средств свидетельствует как о достоинствах, так и недостатках его языковой компетенции. Речевые знания и умения требуют обязательного совершенствования. Только совокупность знаний может обеспечить профессиональную компетентность учителя и возможность максимальной реализации его способностей.

М.В. Ломоносов во вступлении к «Краткому руководству к красноречию» указывал на ряд необходимых условий для приобретения навыков хорошей речи: «Красноречие есть искусство о всякой материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оной мнению. Предложенная по сему искусству материя называется речь или слово. К приобретению одного требуется пять сле-

дующих средств: первое – природные дарования, второе – наука, третье – подражание авторов, четвертое – упражнение в сочинении, пятое – знание других наук» [2, с. 355].

Истоки познаний и чрезвычайной трудоспособности Михаила Сперанского, его неповторимого дара слова берут начало в семье деревенского попа, «простого ума и доброй души», небольшого достатка, строгой религиозности и усердного трудолюбия. Приученный с детства к книгам религиозного содержания, к слову Божию и святоотеческим книгам, он привязался к своему деду, с которым посещал церковь, пел в церковном хоре и постепенно приобщался к духовной среде. «Искренняя вера и благочестие, царившие в семье, воспитали в нем глубокую религиозность, которая оставалась в нем до самой смерти.» [3, с.88]. Многие товарищи отмечали присущее ему «особенное целомудрие» в мыслях, словах и чувствах. В юношеских «Досугах» семинариста есть такая фраза-размышление: «Облетав мыслию все на свете удовольствия, всегда надобно кончить тем, чтобы вздохнуть, усмехнуться и – быть добродетельным» [4, с. 25]. Никогда не поддавался он общим и модным мнениям, всегда отстаивая свою позицию.

Трудовая энергия предков сохранилась в М.М. Сперанском на всю жизнь. Феноменальные способности ребенка, невзирая на бедность, помогли ему продолжить дальнейшее образование, ибо еще с Петровских времен было заведено привлекать к учению «людей нижнего разбору», которые могли бы достигнуть «великих санов, чинов и службы». Во Владимирской семинарии, где он учился, с низших классов учащиеся упражнялись в технике составления элементарных логических форм, в переводах с классических языков и обратно, так называемых «имитациях», притом особое внимание обращалось на синтаксис и грамматику. В старших классах семинаристов приучали составлять образцы стихотворений, речей и сочинений. Преследовалась цель – «научить приспособлению к данной теме словесных понятий, дефиниций, силлогизмов, т.е. облечь их в форму логической доказательности» [5, с. 15]. При этом вырабатывалась привычка брать под подозрение всякое иное мнение. Достаточно было высказать какое-либо предположение, «чтобы сейчас вызвать антитезис и спор». Поэтому из семинаристов нередко выходили мастерские спорщики, всегда готовые обличать. Сильным умам этот метод служил умственной гимнастикой, развивал в них навык владеть словом, что так пригодилось Сперанскому в его педагогической и просветительской деятельности. Занятия в семинарии проходили по классам: инфаматория, фара, грамматика, синтаксима, поэзия, риторика, философия, богословие. Суровые условия проживания семинаристов закрепили в нем неприхотливость, принесенную из дому, выработали жизнеупорство и волю к труду, которая так отличала М.М. Сперанского в течение всей жизни не только среди сановников, но и среди рядовых чиновников. Именно тогда, возможно, развилось в нем умение разговаривать с вышестоящими, держаться достойно и различать характеры людей.

Начало учебы в семинарии совпало с указом об усилении преподавания «еллинского наречия» Знание греческого и латинского языков, по собственным словам Сперанского, оказало большую услугу при изучении источников византийского и римского права. Свободно читая и изъясняясь по латыни, он мог впоследствии ознакомиться с известными философами права, писавшими на этом языке: Гроцием, Гоббсом, Пуффендорфом и другими. Молодой семинарист

очень не любил тупое и механическое заучивание, предпочитая занятия, требовавшие сообразительности и творчества. Любовь к точному и конкретному понятию, в частности, к математике и физике, проявилась уже во Владимирской семинарии, поэтому у администрации не было сомнений в целесообразности его дальнейшего обучения в Санкт-Петербургской семинарии на должность учителя. По указу Синода духовное учебное заведение было призвано готовить учителей для других семинарий.

В Александро-Невской семинарии не столько в программе, сколько по духу преподавания, замечалось светское, и даже, по отзыву митрополита Филарета, материалистическое направление обучения. Оно сказывалось в усиленном изучении новых языков, особенно французского, а также гражданской истории (новшество в духовном образовании) и натуральной философии, механики, физики, географии и, что самое главное, в той свободе самообразования, которая пошла на пользу всем тем, кто по-настоящему хотел учиться. Для самообразования в семинарии была представлена большая возможность, ведь не секрет, что многие «ученые на свете люди сделали славными в своих профессиях не от профессорских лекций, но продолжая собственным трудом и прилежанием первое руководство» [5, с. 11]. Молодой семинарист цель образования видел во всестороннем общем развитии, и, задавшись этой целью, сам активно участвовал в процессе своего становления, что способствовало его самообразованию и самовоспитанию. Этим методам постижения наук отводилась главенствующая роль, ибо только собственное желание и прилежание могли принести ощутимые результаты. Новые условия политической и культурной жизни выдвигали новые требования к личности, в частности, к учителю, и он должен был идти в ногу с общественным прогрессом, быть в постоянном развитии и испытывать потребность в самоусовершенствовании, осознавая при этом, что система развития личности охватывает многие области знаний. Такие возможности давала семинарская библиотека, включавшая до 4000 названий, составленная из библиотек Феофана Прокоповича, Новгородской семинарии и других источников. Любимым чтением любознательного семинариста оставались всегда классики древности, но и со всеми трудами Ломоносова, Сумарокова, Радищева он был хорошо знаком. Вообще начитанность Сперанского была необыкновенно велика. Его первое сочинение – учебник «Правила высшего красноречия» является свидетельством его познаний. «Здесь встречаются цитаты из Даламбера, Монтеня, Лябрюйера, Ричардсона, Юнга, Фонтенеля, Флешье, Боссюэта, Ролена, Массильона, Руссо и др., не говоря, конечно, о древнеримских и греческих философах и классиках» – пишет А.Н. Фатеев [5, с.16].

Речевому мастерству М.М. Сперанского во многом способствовали публичные выступления с проповедями, в которых он обнаружил недюжинные способности проповедника-оратора. Проповеди, читавшиеся с амвонов русских церквей, несли в себе большой идеологический и политический заряд: они были призваны утверждать нравственные и догматические основы веры, разъяснять церковные и государственные задачи. Проповедь становилась искусством, требовала специфических приемов, вырабатывая особый эмоциональный язык, трогавший сердца и высоких особ, и простого прихожанина. Проповеди М.М. Сперанского отличались замечательною силою слова и могли служить настоящим образцом церковного красноречия как по глубине мысли, так и по художествен-

ному изложению. Успехи публичных выступлений дали толчок развитию дарования М.М. Сперанского, его страстному духу оратора и лектора.

Идеи французских философов, распространившиеся тогда в русском обществе, свободно проникали и даже «проповедавались» некоторыми профессорами в стенах религиозно-образовательной семинарии. Некоторые религиозные деятели, следуя великосветской моде, тоже учились говорить и писать по-французски. Происходившее в семинарии было отражением того, что наблюдалось не только в русском образованном обществе, но и в Европе под влиянием французской революции, французской литературы и иностранной философии. Семинарист Сперанский, готовивший себя к духовному сану, тоже писал свой юношеский дневник по-французски и даже задумывал французский роман. Владение иностранным языком всегда рассматривалось как проникновение в другое культурное пространство, как овладение новым внутренним миром, способствующее личностному росту учащихся. Это означает приобщение личности к новым картинам мира в процессе межкультурной коммуникации, умение воспринимать мир с точки зрения представителей иноязычной культуры. Иноязычная культура представляет собой часть всеобщей культуры.

Как мы убедились, были соблюдены все вышеупомянутые условия, предъявляемые М.В. Ломоносовым к приобретению красноречия, и даже возникает мысль, что не только античным учителям, но в большей степени именно русскому ученому и его требованиям обязан Михаил Сперанский своими успехами в произнесении слова. Мастерское владение речью и языками в значительной степени способствовали в дальнейшем его продвижению на государственной службе и повысили авторитет учителя. М.М. Сперанский был большим поклонником и верным учеником гениального ученого как по талантам, так и по знаниям. Приобретенные навыки и овладение искусством риторики позволили ему написать свой собственный труд в помощь учащимся – «Правила высшего красноречия».

В руководстве М.М. Сперанского содержатся рекомендации ораторам ко всем составным частям речи: вступление, доказательства, о «страстном в слове», о расположении слов, о слоге, его общих свойствах – ясности, разнообразии, единстве, «равности с материей» и др.

Вступлением оратор подготавливает слушателей к тем понятиям, которые он хочет им внушить, и стремится возбудить в них страсти. Вступление должно быть просто, без особых мудрствований, слушателей нужно вводить в суть материи с предельной ясностью. На этом этапе оратор может принять тон возвышенный, прибегнуть к понятиям отвлеченным. Но прежде всего нужно уметь «увидеть» слушателей и заставить их следовать за собой. Вступление должно «ослеплять» слушателей.

Доказательства являются основой, костяком речи. Необходимо определить виды доказательств и уяснить, которые из них больше подходят к данному слову. Оратор должен помнить, что доказываться может только одна истина, а все остальное является как бы ветвями, прикрепленными к одному общему корню. Опираясь на эти ветви, постепенно нужно дойти до корня, т.е. доказать истину. М.М. Сперанский выводит общие правила для применения доказательств в речах. К примеру, один довод не только не должен противоречить другому, но, напротив, поддерживать его. Если доводы, направленные на доказывание одной и той же мысли, не будут связаны между собой, речь потеряет свое единство, и

внимание слушателей рассеется. Задача оратора, по Сперанскому, найти точку их соединения и расставить их так, чтобы казалось, что одно доказательство непосредственно следует за другим.

Под «страстным в слове» автор понимал те места в речи, где сердце оратора будит сердца и мысли слушателей, где одно воображение воспламеняет другое, где восторг говорящего возбуждает восторг слушающих. Оратор должен быть сам пронзен страстью, если хочет породить ее в слушателе. Подкрепляя свою мысль, Сперанский цитирует Горация: «Плачь сам, ежели хочешь, чтоб я плакал».

Далее автор размышляет: «Душа, спокойная совсем, иначе взирает на предметы, иначе мыслит, иначе обращается, иначе говорит, нежели душа потрясенная». И, следовательно, сколько ни читай, ни размышляй, ни изучай все правила, но если страсть в тебе не дышит, никогда твое слово не одушевится, никогда не воспламенит воображения твоих слушателей, и твой холодный энтузиазм «изобразит более умоисступление, нежели страсти». Истинный ход страстей может познать только сердце, и страсти эти имеют свой особенный язык «коему не обучаются, но получают вместе с ними от природы».

Обращаясь к Цицерону и ссылаясь на него, Сперанский привлекает внимание будущих ораторов к расположению слов в речи: всякий оратор должен найти нужные слова, расположить их в определенном порядке, именуемы слогом. В этом – суть риторики. Затем следует вывод о двух главных правилах: так, 1) чтобы одна мысль содержала в себе зачатки другой; 2) все в речи должно быть подчинено одной главной мысли. Что касается слова, то оратор может мыслить превосходно и располагать все слова правильно, но речь его будет тусклой, если она лишена ярких красок. Слово можно сравнить с картиной, прекрасно нарисованной, но без красок она будет мертва. Так же, как краски оживляют картину, речь расцветивается яркими, сильными, меткими выражениями. Только выражение дает жизнь слову. Оно может «украсить мысли низкие и ослабить высокие». Знаменитые ораторы были велики именно в выражении мысли. К первому из общих свойств слога нужно отнести ясность. Ко второму – разнообразие. Монотонность опасна для слога. Но разнообразие нельзя отождествлять с развязностью. Разнообразие разных частей речи не должно нарушать ее единства. Один тон должен главенствовать в речи.

М.М. Сперанский останавливает свое внимание на соответствии слога предмету, о котором говорит оратор. Если предмет возвышен, то слог должен быть сильным и благородным; если мысли просты, слова должны быть легки и естественны

При этом автор отводит важное значение внешности оратора: «Те не знают истинного начала красноречия, которые думают, что предубеждающая внешность не нужна в ораторе» Они не знают, что самое существо витийства основано на предубеждении, ибо основано на страстях, и вития не что другое есть, как человек, обладающий таинством двигать по воле страсти других и, следовательно, отнимать у разума холодную его и строгую разборчивость, воспламенять воображение и отдавать ему похищенные права рассудка. Итак, наш оратор не ограничит своего искусства одним только сочинением, он настроит с предметом своим голос, лицо, вид и руку, все в нем будет говорить, и все будет красноречиво» [6, с. 82].

Учебник служил руководством к духовному красноречию церковных проповедников, по нему учились говорить многие университетские профессора, развивающаяся юридическая наука и адвокаты черпали из нее мудрые наставления преподавателя Александро-Невской семинарии.

Изучение данного пособия («Правила красноречия») в аспекте истории отечественной педагогической риторики убеждает нас в том, что эта учебная книга явилась богатейшим сводом риторико-педагогических идей и владение ее понятийным и практическим багажом уже давало основательную риторико-педагогическую подготовку. Человек, усвоивший не только и не столько формально риторические тонкости, сколько самый дух и творческое настроение автора-педагога, приобретает необходимый (столь недостающий современным учителям) базис педагогического мастерства – умение легко работать со словом и с помощью слова – основного инструмента своей деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрестоматия по истории педагогики / Под ред. С.А. Каменева. Т.1Н.- М., 1936.
2. Ломоносов М.В. Избранная проза. – М., 1980.
3. Катетов И. В. Граф М.М. Сперанский как религиозный мыслитель.- Казань, 1889.
4. Новаковский В.А. Михаил Михайлович Сперанский. – СПб., 1893.
5. Фатеев А.Н. Сперанский. Влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. – М., 1915.
6. Сперанский М.М. Правила высшего красноречия. – СПб., 1844.

THE BASES OF PEDAGOGICAL RHETORIC OF M.M. SPERANSKY

N.M. RUMJANTSEVA

Department of Russian Language № 3
Faculty of Russian Language and Basic Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, 117198 Moscow, Russia

Training to language and speech activity assumes knowledge of rhetoric-pedagogical culture. The main stages of M.M. Speransky's becoming as language person and basis of his pedagogical rhetoric are given in the article.